

Скандал с Антоновичем и Жуковским. Экономическая логика радикального публициста и некрасовская экономическая утопия

1

В этой главе в центре нашего внимания будет конфликт между Некрасовым и сотрудниками «Современника» Ю. Г. Жуковским, М. А. Антоновичем и А. Н. Пыпиным, которых Некрасов в 1868 году не пригласил к сотрудничеству в «Отечественных записках». В некрасоведении принято рассматривать произошедший из-за этого скандал, кульминацией которого стала печально известная брошюра Антоновича и Жуковского, в таком духе: «Из бывших сотрудников “Современника” в новой редакции не оказалось Ю. Г. Жуковского, М. А. Антоновича и А. Н. Пыпина. Некрасову пришлось расстаться с ними, потому что они претендовали на такие права и такую власть в журнале, какими обладал сам Некрасов. Он не принял условий, выдвинутых Жуковским от имени всей группы.

Раздраженный Жуковский вместе с Антоновичем начал против Некрасова “словесную войну”. Они выпустили скандальную брошюру, нечто вроде памфлета, под заглавием “Материалы для характеристики современной русской литературы”, в которой весьма грубо пытались скомпрометировать Некрасова в общественном мнении, сводили с ним мелкие счета, намекали на мнимое вероломство по отношению к недавним сотрудникам...»¹ Эта точка зрения, конечно, упрощенная по причине жанра работы, в которой она высказана, отражает устойчивое представление о сути произошедшего скандала². Это представление нам кажется неверным, потому что игнорирует аргументы бывших сотрудников «Современника». Мы намерены показать в этой главе, что если в поведении Антоновича и Жуковского и отразились «личные счета» с Некрасовым, то они не отменяли и принципиального характера их позиции. Поднятый двумя публицистами скандал является отражением объективных процессов в литературной экономике 60-х годов, возникавших в ней противоречий, центром которых неизбежно в силу своего положения издателя крупных журналов оказался Некрасов. Мы намерены

¹ *Жданов В. В.* Некрасов. М., 1971. С. 426.

² Едва ли не единственный мемуарист, стоящий на стороне Жуковского и Антоновича в их конфликте с Некрасовым, — Е. И. Жуковская. См.: *Жуковская Е. И.* Записки. М., 2001.

реконструировать подлинную позицию скандалистов, заявленную и наиболее четко аргументированную в брошюре «Материалы для характеристики современной русской литературы» (1869).

2

Уже в середине 50-х годов основанные на дружеском кредите (см. главу 5) внутриредакционные отношения в «Современнике» начинают распадаться. Новые сотрудники (разночинцы, люди радикальных взглядов) приносят новые экономические отношения, становящиеся менее дружескими, более формальными. Показательны воспоминания Чернышевского: «С очень недавних пор без прямого моего вопроса Некрасов почти никогда не говорил ни о чем из своей личной жизни. При начале знакомства со мной он хотел иметь меня обыкновенным приятелем-собеседником, какими бывают у каждого его хорошие знакомые, и рассказывал мне о том интересном лично для него, что случалось ему припомнить по ходу разговора; деловой разговор прекращался, заменяясь обыкновенным приятельским. Но скоро Некрасов бросил это; не умею сказать, почему именно»³. Деловой и приятельский разговоры не смешивались, как видим, так же строго различались отношения приятельские и деловые. Это, естественно, совсем не значит, что основанного на доверии кредита, ссуживания денег новым сотрудникам не было (его было меньше в отношениях с Чернышевским и Добролюбовым, людьми, преданными журналу и очень плодовитыми, но едва ли меньше в отношениях с писателями из среды шестидесятников-разночинцев, может быть, даже больше — если не по размерам выдаваемых сумм, то уж точно по количеству выданных авансов⁴). Но эти отношения по-другому осмыслились и идеологически оформлялись («идеализировались»). Прежняя модальность дружеских займов, принятая в «Современнике» старого состава, вызывала насмешку у новых людей⁵. В целом для новых сотрудников характерно иное отношение к деньгам и иная (существенно более высокая) степень зависимости от литературного труда и издателей и редакторов журналов по сравнению с прежними сотрудниками. Постепенно в журнале начинают складываться предпосылки для

---

³ Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 149.

⁴ О таких заимствованиях, в которых проявлялась щедрость и широта души Некрасова, много говорится в воспоминаниях И. А. Панаева. См.: Некрасов в воспоминаниях современников. С. 196–197.

⁵ Об этом см. главу 7 настоящей работы.

установления экономических отношений, подобных отношениям внутри капиталистического предприятия, при которых издатель может восприниматься уже не как друг и равный любому сотруднику, но как хозяин⁶ журнала, писатель же играет роль наемного рабочего.

Общеизвестно, что в 60-е годы XIX века начинается становление капитализма в России одновременно с рынком труда, и вместе с ними возникает и пролетариат⁷. Вопрос о пролетариате (не в марксистском еще строгом понимании этого слова) становился актуальным предметом обсуждения (например, в книге Берви-Флеровского⁸), и это понятие начинало постепенно переноситься и на фигуру писателя. Уже в самом начале 60-х годов мы видим факты самоорганизации литераторов, говорящие о становлении у них чувства групповой общности. В этом смысле показателен эпизод 1861 года (реакция литераторов на арест М. Михайлова), описанный в мемуарах Н. В. Шелгунова: «Чтобы представить его (прошение о смягчении участи М. Михайлова. — М. М.) министру, были выбраны депутатами граф Кушелев, Краевский и Громека. На второй или третий день депутация отправилась к министру и просила о себе доложить. Путятин, уже достаточно искушенный университетскими историями, попросил к себе в кабинет одного графа Кушелева. Когда Кушелев объяснил, что он не один, а что с ним и другие депутаты, явившиеся от сословия литераторов с просьбой принять участие в судьбе Михайлова, то Путятин ответил, что “сословия” литераторов в России нет, но просьбу принял⁹. О развитии своего рода профессиональной и квазисословной солидарности свидетельствует и возникновение «Общества для пособия нуждающимся литераторам и ученым», учрежденного в 1859 году в Петербурге по инициативе А. В. Дружинина¹⁰. Сама необходимость такого фонда, конечно, свидетельствует об увеличении количества писате-

---

⁶ В данном случае мы не имеем в виду сложный вопрос о том, кто был реальным «собственником» «Современника», Некрасов или Плетнев. Речь идет именно об отношениях между Некрасовым и сотрудниками журнала, им издаваемого.

⁷ См., например: *Дружинин Н. Д.* Социально-экономическая история России. М., 1987; *История экономического развития России.* М., 2000; *Гусейнов Р.* История экономики России. М., 1999.

⁸ *Флеровский Н.* Положение рабочего класса в России. СПб., 1869.

⁹ *Шелгунов Н. В.* Из прошлого и настоящего // Шелгунов Н. В., Шелгунова Л. П., Михайлов М. Л. Воспоминания: В 2 т. Т. 1. М., 1967. С. 162.

¹⁰ Об этом подробнее в кн.: *Бройде А. М.* А. В. Дружинин. Жизнь и творчество. Copenhagen, 1986.

лей и о неспособности прежних институтов приятельского круга литераторов, круга единомышленников, оказывающих друг другу в том числе и финансовую помощь, служить улучшению условий их существования. Важно, что в работе по созданию фонда объединились писатели самых разных общественных взглядов (И. С. Тургенев, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, Н. Г. Чернышевский, А. В. Никитенко, А. А. Краевский, С. С. Дудышкин, А. Д. Галахов, А. П. Заболоцкий-Десятовский, Е. П. Ковалевский). Соединение в Обществе и писателей, и издателей говорит о размытости понятия «литератор» и отсутствии еще у собственно писателей четкого осознания «классового» разделения внутри литературного рынка. Однако уже в середине 60-х годов процесс такого осознания шел, кажется, чрезвычайно быстро.

Большое количество размышлений о писателе как разновидности пролетария содержат воспоминания и письма Н. В. Шелгунова. Он, например, пишет жене из Петропавловской крепости 10 июля 1864 года: «С развитием книжного и журнального дела у нас стал являться литературный пролетариат. В Западной Европе это давно уже не новость; но у нас пока литературные рабочие печальная новинка, которой многие даже не подозревают. Положение этих людей, разумеется, хуже положения крестьян, потому что у тех есть земля, а у этих ничего, кроме дырявых сапогов и прорванного сюртука»¹¹. Одновременно типичный издатель журнала начинает осмысляться как капиталист, эксплуатирующий наемных рабочих. В чуть более позднем письме Л. П. Шелгуновой (21 октября 1865 года) Шелгунов цитирует письмо В. Зайцева, также называющего себя пролетарием и противопоставляющего себя капиталисту-хозяину — Г. Е. Благодетелю: «“Вы могли бы судить — продолжает он, — о важности этого обстоятельства, только зная о тех реформах в журнале, каких я и Соколов добиваемся от Григория Евлампиевича. К сожалению, как ни необходимы эти реформы, как ни важны они для интересов не только “Русского слова”, но и всей литературы, я потерял надежду склонить на них нашего почтенного издателя, который при всех своих достоинствах не одарен тою добродетелью, которою в такой степени отличаемся все мы, то есть быть пролетарием”». Что все это значит, я понять не могу, хотя знал хорошо, что Григорий Евлампиевич далеко не пролетарий, и никогда не верил в искренность его липких и сладких фраз»¹².

---

¹¹ Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 2. С. 151.

Между хозяином и работниками журнала возникают конфликты производственного типа, выплескивавшиеся на страницы журнала¹³. Позднее отношения Шелгунова к редактору стали объективнее, но образ Благосветлова-капиталиста, буржуа рисуется и в его позднейших воспоминаниях: «Благосветлов был именно хозяин-буржуа, а его грубость и запальчивость и деспотизм в отношении к сотрудникам, к рабочим типографии, к фактору и метранпажу Королькову, который прожил у Благосветлова более пятнадцати лет и умер у него почти в типографии, — все это было не барством, а настоящей буржуазностью и нередко низкого сорта <...> И получился двойственный человек, честный политически и в то же время давивший экономически, — человек, признававший полное равенство в политических правах и не допускавший равенства между собою и теми, кому он платил жалование и кто на него работал. Живя в роскоши, он не думал о чужой бедности и не обнаруживал к ней сочувствия. В этом отношении он был очень тверд. Он как будто находил даже удовлетворение в том, что его подручные были беднее его, точно это поднимало его над ними и денежная их зависимость от него возвышала его авторитет и льстила его чувству власти»¹⁴. В приведенных примерах (взятых из практики другого, отчасти союзнического, отчасти соперничавшего с «Современником» журнала) показательна не столько достоверность оценки конкретного человека (который, конечно, мог быть во многих отношениях непохожим на Некрасова¹⁵), но появление новой модели, по которой становится возможным осмыслить отношения между издателем и сотрудниками журнала.

Есть свидетельства, указывающие на то, что отношения Некрасова с его новыми сотрудниками осмыслились последними схожим образом. Многие литераторы-разночинцы, печатавшиеся в «Современнике» в 60-е годы, осознают полную материальную зависимость от его издателя и остро пере-

---

¹² Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 2. С. 191.

¹³ См. историю с публичным обвинением Благосветловым сотрудника «Русского слова» в невыполненных обязательствах.

¹⁴ Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 1. С. 288.

¹⁵ И Елисеев, и Скабичевский говорят в своих воспоминаниях о крайней несимпатичности Благосветлова в сравнении с Некрасовым (Некрасов в воспоминаниях современников. С. 224, 351).

живают чувство униженности своим положением. Так, горечь от оскорбленного самолюбия наполняет записи из дневника Ф. М. Решетникова. Приведем несколько характерных цитат:

Некрасов приехал барином и обошелся не очень ласково. Причина этому та, что вследствие статьи Салтыкова завязалась полемика с «Эпохой» и борьба с журналами, почему Некрасов даже сам взялся читать рукописи¹⁶.

Теперь я очень хорошо понял, что те, которые ратуют за свободу, — или богачи, или такие люди, которые пользуются особенным почетом тех, которые дают человечество. Настоящей свободы человеку нет: человек всегда будет подчиняться другому и будет находиться в зависимости от людей богатых. Бедному человеку с ничтожным званием нечего и думать о свободе <...>.

Из первой части романа я прочитал Некрасову половину и потом получил от него письмо, что ему слушать меня некогда. С этого времени прошло полтора месяца. Раз я прихожу в редакцию. Некрасов говорит:

— Я отдал переписывать первую часть.

— Николай Алексеевич, у меня денег нет, сами знаете.

— Я на свой счет. Приглашать мне вас, — у меня утром и вечером нет времени, а читать ваш почерк я не могу. Пыпин тоже отказывается.

А о том, что я просил его, не похлопочет ли он мне о частных занятиях, он не сказал ни слова.

Сегодня же сказал:

— Вы напрасно ходите в редакцию. Вы тогда узнаете решение своей участи, когда я весь роман до последней строчки прочитаю <...>.

Он думал, что я хожу к нему просить денег. Когда я ему сказал, что я бы с августа месяца мог прочитать весь роман и переписать его, он сказал, что ему слушать меня некогда, а ему нужно читать писарский почерк¹⁷.

Некрасов в отношении ко мне сделался все равно, что директор департамента к помощнику столоначальника¹⁸.

Вполне возможно, что эти жалобы, напоминающие какие-нибудь фраг-

---

¹⁶ Литературное наследство. Т. 3. М., 1932. С. 171. Вообще этот дневник изобилует красноречивыми высказываниями «литературного пролетария», живущего на гонорары.

¹⁷ Там же. С. 176–177.

¹⁸ Там же. С. 180.

менты из «Бедных людей» Достоевского, являются продуктом болезненной мнительности автора дневника, но в любом случае замечательно, что Решетников осмысляет писательский труд (в том числе свой собственный) именно в таких категориях. Он ощущает себя в положении зависимого человека. Редактор — хозяин, а он — рабочий, вынужденный дешево продавать свой труд. Есть, впрочем, и факты, говорящие, что отношения между писателем и издателем на самом деле были далеки от отношений равных. На это указывает, например, письмо Некрасова Решетникову от 16 февраля 1866 года, действительно, необычное по строгости и безапелляционности тона и предъявляемых требований (особенно хорошо это заметно при сравнении с отзывами и рекомендациями, дававшимися издателем Л. Толстому или Тургеневу): «Я прочел рукопись Вашу до конца 1-ой части. Все, что последовало за изнасилованием Елены, т. е. пространные разговоры об этом, хождение к исправнику, к управляющему, опять к исправнику, сечение дочери и т.п., — все это должно быть выключено. Обо всем этом можно написать страницу и перейти прямо к главе, где они пошли за грибами. Иначе печатать нельзя. Зайдите ко мне сегодня часов в 7-мь или завтра утром. Ваш Некрасов» (15, 1, 42–43).

Вся сфера журнальной литературной деятельности видится Решетникову основанной на эксплуатации и угнетении, постоянном обмане и обкрадывании издателями сотрудников. Позволим себе привести еще одну обширную цитату:

Я нахожу, что все наши редакторы, издатели и книгопродавцы — плуты...

Издателю журнала или газеты нужно только опериться; до тех пор, пока у него не накопится тысяч 5 барыша, он будет ханжить, что у него мало подписчиков, переманивать лучших литераторов, рассчитывать их понемногу... Возьмем Курочкина. Я не знаю, как у них идет дело — все ли три брата издают «Искру», или один который-нибудь из них, — только судя по справедливости, они, или хотя бы Вас. Курочкин — должен бы был рассчитывать сотрудников как следует. Однако выходит то же, что делал со мною Усов. Он говорит, что нет денег — и только. <...> То, что Курочкин мог бы рассчитывать с сотрудниками исправно, доказывается тем, что он живет на Невском, имеет хорошую квартиру... лакея и тому подобных людей, принимает только по воскресеньям с 12 часов, ездит в театры и т. п... В течение года Вас. Курочкин даже не запомнил моего имени и отчества... Знают, что я не учен и пришел за деньгами, и заключают так: «Он пишет из-за интереса и поэтому раб наш».

В «Будильнике» важности еще больше. Там даже Вейнберг стал считать сотрудников за подчиненных себе. Это значит, что он уже накопил 5 тысяч и думает открыть свой журнал¹⁹.

Характерно в этом рассуждении то, что Решетников приписывает именно любому литературному предпринимателю свойство быть надменным баринном и плутом. Если использовать немодную ныне терминологию, это говорит о «классовом сознании», а не просто о болезненном самолюбии и мнительности.

Писатели-разночинцы не только просят Некрасова о деньгах намного чаще дворян, но и делают это в существенно более униженных тонах. Так, Н. А. Благовещенский в письме от 1 января 1864 года запрашивает: «Если редакция Современника доверит мне еще 50 р. *в счет будущих благ*, я буду ей очень благодарен, ибо имею крайнюю нужду в деньгах. В таком случае я буду должен Вам всего 100 р. и не буду беспокоить редакцию своими просьбами до самой подачи статьи, то есть до 15 февраля»²⁰. (Напомним, что Благовещенский был также сотрудником и короткое время даже номинальным редактором в «Русском слове».) В подобном же тоне просит о деньгах и А. И. Левитов в письме от 22 сентября 1864 года: «Милостивый государь Николай Алексеевич, покорнейше прошу вспомочь в том плохом положении, в какое поставила меня почти трехмесячная болезнь нынешним летом — вышлите мне в Москву рублей полтора, или сто. Я, в свою очередь, к 10 ноября привезу лично Вам очерк, который почти погасит мой долг, а к декабрьской книжке у меня для «Современника» будет большая повесть из степных нравов»²¹. Письма Ф. М. Решетникова Некрасову тоже звучат униженно, в частности, в феврале 1866 года он пишет: «Я все сомневаюсь: неужели мой роман хуже «Подлиповцев»? Сомневаюсь потому, что вы мне сбавили плату. Я вам откровенно говорю, что все, что я ни писал, не выдумка, а взято из жизни. В «Горнорабочих» больше страданий, чем в «Подлиповцах»: это каторга, только в другом виде. Мне говорили, что Гл. Успенский получает больше 50 руб. из «Современника», но это, впрочем, может быть, сплетни, потому что я ни с одним литератором не знаком и не желаю знакомиться за ихние сплетни. Я не желаю торговаться, а только говорю, что знакомые мои, интересуюсь, сколько я получаю, говорят

---

¹⁹ Литературное наследство. Т. 3. С. 184.

²⁰ Литературное наследство. Т. 51–52. Н. А. Некрасов. II. М., 1949. С. 124.

²¹ Там же. С. 373–374.

мне, что я верно падаю. А это мне обидно. Впрочем, я, может быть, и ошибаюсь.

Если можно, то позвольте мне еще раз взять сто рублей. Как мне ни совестно перед вами, а я принужден опять просить и быть должным. Теперь я долго не буду беспокоить вас²². Все это показывает, что отношения неравенства, основанного на восприятии Некрасова его сотрудниками как капиталиста, хозяина, достаточно твердо установились в «Современнике» в последние годы перед его закрытием. Поэтому характеристика, даваемая М. А. Антоновичем в брошюре, которую мы будем подробно разбирать ниже, отношениям между Некрасовым и писателями-профессионалами, выглядит соответствующей реальности: «Трудящаяся и рабочая литературная братия относится к Вам подобострастно, льстиво <...> голод и нужда, — эти ужаснейшие тираны из всех, когда-либо существовавших на свете, — ежеминутно предъявляют свои грозные требования...»²³

Так воспринимаемые экономические отношения внутри журнала «Современник» (как и в целом в литературе), в отличие от отношений с прежними сотрудниками, неизбежно рассматриваются социалистически ориентированными публицистами как неправильные. Анализ этих отношений и способов их нормализации при этом уже не мог вестись в рамках мелкобуржуазной прудонистской анархической идеи взаимного беспроцентного кредита. Этот анализ неизбежно ведется в рамках парадигмы «труда и капитала», сторонником которой, в частности, заявил себя Чернышевский в таких работах, как «Капитал и труд»²⁴. Именно этот уже бывший к этому времени сотрудник «Современника» был наиболее ярким пропагандистом и популяризатором в России «политэкономии» в духе Смита, Риккардо и их последователей. Естественно, он следует за такими политэкономистами, которые были склонны делать из смитовских предпосылок наиболее близкие к радикально-революционным выводы²⁵. Упрощенно и коротко (и такого упрощения будет вполне достаточно для наших рассуждений) можно описать эту парадигму таким образом. Центральный вопрос здесь — о стоимости конечного продукта производства, из чего она

---

²² Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 2. М., 1987. С. 82.

²³ Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869. С. 11.

²⁴ Современник. 1860. № 1.

²⁵ В статье «Капитал и труд» Чернышевский наиболее высоко ставит труды Дж. Стюарта Милля.

складывается, и кто по праву должен получать прибыль от продажи продукта. Два главных претендента — труд и капитал. Если мы признаем, что в основе стоимости товара — капитал, вложенный владельцем предприятия в средства производства, то и прибыль должна принадлежать ему, в то время как рабочий должен получать плату за свое рабочее время и потраченные силы, не имея права на участие в доходе предприятия. (Важным аргументом в пользу признания за капиталом права на все доходы всегда служило то, что владелец, получая прибыль, снова превращает ее в капитал, вкладывая в расширение производства и тем самым развивая его и в целом увеличивая капиталы, работающие в экономике. Говоря попросту, если капитал находится в одних или ограниченном количестве рук, его проще эффективно осваивать.) Если же следует труд считать создателем стоимости товара наряду с капиталом, то необходимо признать права рабочих на долю в прибыли предприятия и, соответственно, на часть капитала, создаваемого производством (конкретная доля дохода, конечно же, — предмет расчетов). Естественно, что Чернышевский выбирает второе решение, в пользу права труда, работника на участие в прибыли, на часть капитала: «Основною идеею учения о производстве мы находим полное совпадение идеи труда с правом собственности над продуктом труда; иначе сказать, полное соединение качеств собственника и работника в одном и том же лице»²⁶. Он отвергает аргументы в пользу сосредоточения капиталов. С одной стороны, действительно, имея маленький капитал, трудно создать серьезное производство или развивать уже существующее. Однако выходом будет кооперация, объединение мелких владельцев капиталов, являющихся одновременно работниками: «Почти каждое производство для своей успешности требует размеров, превышающих рабочие силы одного семейства. Капиталист не нуждается в союзе с другими, потому что располагает силами множества людей. Трудящийся, располагая силами только своей семьи, должен вступать в товарищество с другими трудящимися»²⁷. Это приведет не только к столь же эффективному развитию производства, но и к справедливому и равному распределению благ между людьми. Задача экономики, которой, по Чернышевскому, является обеспечение общего среднего уровня благополучия для всех работников и остальных членов общества, таким образом будет достигнута.

---

²⁶ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: В 16 т. Т. 7. М., 1950. С. 20.

²⁷ Там же. С. 52.

В рамках именно этой парадигмы были и экономические взгляды будущего скандалиста Ю. Г. Жуковского, излагавшиеся в «Современнике» первой половины 60-х годов. В своей наиболее шумевшей статье «Записки современника» он поставил знаменитый вопрос о «долге народу», именно исходя из таких политэкономических предпосылок. Экономическая логика Жуковского видна, в частности, из следующей цитаты:

Мужик <...> имеет формальное право на землю и капиталы <...> Мужик несет в настоящее время 300 с лишком миллионов налогов, не считая повинностей, которые на деле должны равняться почти той же сумме; но мы ограничимся этими 300 миллионами. Так как платить 300 милл. из ничего нет возможности, то тем самым, что мы заставляем его платить эти 300 милл. — рассуждая из коммерческих оснований, на которых основываются все текущие экономические рассуждения — следует думать, что мы предполагаем его обладателем известного капитала, доходом от которого и могут уплачиваться эти 300 милл. Они могут рассматриваться нами, говоря иначе, только как процент с известного капитала, который, само собой разумеется, должен находиться в руках тех, кто платит этот процент. Какой же процент могут составить эти 300 миллионов и какой процент может брать государство в налог или на общие сбережения, не убывая самых размеров производства? Если мы остановимся на 5%, то капитализируя 300 милл. дохода из 5%, получим капитал в 6 миллиардов рублей сер. в виде земли и движимых капиталов, которые предполагаются одним фактом налога за народную принадлежность. Если мы допустим затем устранение народа от формального права на землю и капиталы, то мы заставим платить этот народ налог или процент из таких капиталов, которыми он вовсе не пользуется и которыми пользуется исключительно цивилизованное сословие, будет ли тут какая-либо последовательность? Итак, самый факт налога <...> равносильен признанию в принципе за народом права на означенные 6 миллиардов капитала²⁸.

Суть несправедливости, совершаемой по отношению к народу, по Жуковскому, заключается в том, что крестьяне, создавая продукты потребления, не принимают участия в той прибыли, которая получается от их труда. Работая на земле, народ не владеет ею как капиталом. Поэтому он не участвует в прибыли, которую приносит его труд, и прибыль эта полностью при-

---

²⁸ Современник. 1865. № 9. Отд. II. С. 92–93.

сваивается и растрачивается помещиками: «Если крестьянин в историческом результате не является перед нами на деле с известным капиталом в руках, то виноваты в этом стеснения, которые налагал закон к тому, чтобы он в конце концов мог оказаться на деле с таким капиталом <...> Последний (помещик) брал весь его избыток, т. е. именно те средства, из которых должен был составиться народный капитал, о котором идет речь, брал весь его труд и потреблял его прямо или посредством на производство своей роскоши и тем лишал крестьянина возможности развить промышленность, ему именно соответствующую, где бы сам крестьянин был хозяином. Через это наша промышленность удержалась вообще на земледельческой ступени и только обогащала на счет русского мужика иностранного фабриканта роскоши»²⁹. Именно поэтому необходимо вернуть народу часть общей прибыли, превратить его во владельца капитала. Помещик, владелец земли, по Жуковскому, на самом деле даже и не вкладывает никакого капитала в сельское хозяйство, он только получает некий аналог ренты, фактически разрастающейся до всего дохода, приносимого землей: «До тех пор, пока народу не возвращено право на капиталы и народ не является капиталистом в предприятиях землевладельческих и промышленных, до тех пор положение цивилизованного читателя находится в переходном состоянии по дороге к справедливости; до тех пор, пока он не уплатил своего долга народу, он должен более или менее считать себя заедателем народного хлеба и в долгу у народа»³⁰.

В «обычной» экономике такие теории вели к попыткам создания артелей, коммун³¹. В издательском и журнальном деле они породили именно в это время интересную тенденцию — возникновение артельных журналов, в которых не было бы издателя-капиталиста и литераторов-пролетариев, а капиталисты и работники соединялись в одном лице. Первая попытка издавать артельный журнал была предпринята в 1861 году при участии некоторых сотрудников и авторов «Современника»: «В 1861 году образовалась такая артель все из молодых писателей, и после разных совещаний было порешено приобрести “Век” от П. И. Вейнберга. Пайщиков набралось тридцать два человека. Тут были Г. З. Елисеев, Шапов, А. Потехин, Н. и А. Серно-Соловьевичи... Каждый пайщик должен был внести сто руб-

---

²⁹ Современник. 1866. №3. Отд. II. С. 94.

³⁰ Там же. С. 96.

³¹ Самая знаменитая — слепцовская «Знаменская» коммуна. О ней см.: Чуковский К. И. История Слепцовской коммуны // Чуковский К. И. Люди и книги. М., 1960.

лей. Редактором единогласно был избран Г. З. Елисеев, у которого (он жил тогда на Литейной, близ Невского) и собирались раз или два в неделю все пайщики»³². Несмотря на неудачу этого предприятия, такие попытки будут периодически возобновляться³³.

Другим способом уравнивать труд и капитал в правах на получение прибыли стали попытки своеобразного «захвата власти» в журнале. Дух такого рода предприятий точно спародировал Достоевский в «Бесах» (1872): «На другой же день, рано утром, явились к Варваре Петровне пять литераторов, из них трое совсем незнакомых, которых она никогда и не видывала. Со строгим видом они объявили ей, что рассмотрели дело о ее журнале и принесли по этому делу решение. Варвара Петровна решительно никогда и никому не поручала рассматривать и решать что-нибудь о ее журнале. Решение состояло в том, чтоб она, основав журнал, тотчас же передала его им вместе с капиталами, на правах свободной ассоциации; сама же чтоб уезжала в Скворешники, не забыв захватить с собою Степана Трофимовича, “который устарел”. Из деликатности они соглашались признавать за нею права собственности и высылать ей ежегодно одну шестую чистого барыша. Всего трогательнее было то, что из этих пяти человек наверное четверо не имели при этом никакой стяжательной цели, а хлопотали только во имя “общего дела”³⁴. Здесь точны даже экономические подробности относительно «одной шестой части барыша» (Варвара Петровна как капиталист, плюс пятеро литературных работников, справедливо делят прибыль от журнала), хотя в реальности речь всегда шла, конечно, не о «деликатности», а своеобразной строгости принципов. Эта готовность уступить шестую часть барышей «капиталисту» означала, вероятно, признание ограниченной роли начального капитала в доходах, приносимых предприятием.

Такой план «захвата» журнала возникает у ведущих сотрудников «Русского слова»³⁵. В уже цитированных нами воспоминаниях Шелгунов описывает это так: «В зиму 1865/66 года жил я уже в Вологодской губернии и по-

---

³² Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 1. С. 168.

³³ Об артельных изданиях см.: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. Избранные труды. М., 1961.

³⁴ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1972–1990. Т. 10. С. 23.

³⁵ Некоторые полезные сведения об этой истории содержатся в кн.: Кузнецов Ф. Ф. Публицисты 1860-х годов. Круг «Русского слова». М., 1969. С. 114–116; 284–286.

лучил от Зайцева приглашение вступить в коалицию против Благосветлова. Предполагалось совершить *coup d'état* и устранить Благосветлова (не помню, от главенства или совсем от журнала). Зайцев уже списался с Писаревым, находившимся в заключении, и получил его согласие. Мне казалось, что, заняв втроем место Благосветлова, мы все-таки не разрешили бы общего вопроса, — кто-нибудь оказался бы четвертым, то есть вне нас троих; кроме того, мне не думалось, чтобы в том положении, в котором мы все тогда находились (один только Зайцев был на свободе), было возможно ведение журнала, и в этом смысле я ответил Зайцеву. Характерно, что к этому же времени относится и намерение сотрудников “Современника” свершить нечто подобное с Некрасовым. Разлад и разъединение чувствовались везде и во всем...»³⁶ Важны принципы, под знаком которых происходили попытки этого переворота. Они были декларированы в совместном объявлении, напечатанном в газете «Голос» 8 октября 1865 года: «От редакции “Русского слова”. Во имя общественной пользы, экономической правды и достоинства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной, объявляется: 1) издатель не считает подписной суммы своей собственностью; 2) подписная сумма не должна расходоваться произвольно; 3) издатель, как поверенный подписчиков, есть главноуправляющий конторой журнала; он обязан давать в известные сроки полный отчет во всех расходах по изданию; 4) отчеты эти должны печататься в самом журнале за подписью издателя. На этих началах, которые мы признаем справедливыми и полезными, будет издаваться “Русское слово”. Г. Благосветлов, Н. Благовещенский, В. Зайцев, Н. Соколов»³⁷. Очевидно, что сами эти принципы носят компромиссный характер. Прежде всего, в «Объявлении» не сказано о разделе прибыли между издателем и сотрудниками журнала, решение главного экономического вопроса заменено туманной формулой «издатель не считает подписной суммы своей собственностью». Тем не менее, мы видим, что намерение декларируется именно такое — отнять у издателя-капиталиста титул «собственника» журнала и подтвердить значимость труда сотрудников для создания прибыли от него. Показательно также, что участники соглашения рассматривают его как важное не только для себя, но и для «общественной пользы, экономической правды и достоин-

---

³⁶ Шелгунов Н. В. Указ. соч. Т. 1. С. 229–231.

³⁷ Там же. Т. 2. С. 193.

ства самой журналистики, которая должна быть не только свободной, но и честной».

Подобный переворот собирались совершить, как сообщает Шелгунов, и участники «Современника». Многие свидетельства указывают на то, что мемуарист прав и попытка захвата «Современника» была во многом подобна той, что предприняли журналисты «Русского слова». Важным стимулом для этой попытки стала затеянная сотрудниками некрасовского журнала проверка бухгалтерских книг, в которой проявилось их стремление к достижению прозрачности дел «Современника». Это был своего рода захват права на информацию, отъем у издателя исключительного владения отчетностью³⁸. Полученные в результате сведения наводят сотрудников на мысль «забрать» у Некрасова журнал³⁹. Об этом говорится, в частности, в воспоминаниях одного из «бунтарей», Г. З. Елисеева: «И вот мы, честные люди, по инициативе нашего политэконома, решились заставить Некрасова именно сделаться таким же честным человеком, как и мы. Один раз, когда Некрасов стал жаловаться на бедность доходов журнала, на недостаточность денег и на наши возражения предложил нам поверить его конторские книги, то мы, о срам, вызвались идти и делать самоличную поверку <...> и вот гурьбой все мы, сотрудники «Современника» — я, Ю. Г. Жуковский, М. А. Антонович, В. А. Слепцов, А. Ф. Головачев⁴⁰ — отправились к Панаеву. Не помню, был ли на ревизии А. Н. Пыпин. Панаев принял нас очень любез-

---

³⁸ Интересно, что одним из важнейших событий в борьбе американских писателей за свои права стал судебный процесс, в котором автор требовал от своего издателя предоставить ему для проверки бухгалтерские книги, в которых содержались реальные цифры прибыли, принесенной его книгой.

³⁹ Некоторые важные материалы, касающиеся этой истории, были опубликованы в статье: *Мельгунов Б. В.* К истории некрасовского «Современника» (1865–1867) // Русская литература. 1984. № 3. Однако проводимое автором сближение намерений Антоновича, Елисеева и др. с планом «захвата» журнала, который лелеяли сотрудники середины 50-х годов (Боткин, Фет, Л. Толстой), не является верным, идеологически он оформлялся по-другому и в экономическом смысле имел совершенно другой, более прагматический характер.

⁴⁰ Показательно, что часть проверяющих — участники слепцовской коммуны. Особенно значимым выглядит утверждение М. А. Антоновича о том, что настоящим инициатором захвата был В. А. Слепцов, организатор «Знаменской коммуны». См. об этом: *Материалы для характеристики современной русской литературы.* СПб., 1869. С. 32–33.

но, раскрыл все книги и стал давать объяснения по своим бухгалтерским счетам. Мы, не знакомые с бухгалтерским счетоводством, шутили, спорили, смеялись над теми *qui pro quo*, которые получались в наших понятиях по объяснениям Панаева к терминам бухгалтерии»⁴¹.

Другой участник событий, М. Антонович, вспоминает тот же эпизод несколько по-другому: «В данном случае Некрасов ни слова не говорил о бедности доходов и значительных дефицитах, а так просто, среди другого разговора, как будто мимоходом, сказал, что у “Современника” много должников, что вот посмотрите сами составленный Панаевым список должников, и больше ни слова. В это время у него были Елисеев, Жуковский и я. Елисеев взял список и, не взглянув на него, положил в карман, и разговор продолжался прежний, как ни в чем не бывало. Затем мы отправились к Елисееву для рассмотрения полученного от Некрасова документа. Взглянув на документ, Елисеев страшно расхохотался и едва мог выговорить: “Да это вовсе не отчет, который я предполагал и который можно было проверять. А список должников журнала, и во главе их — вы”, — сказал Елисеев, обращаясь ко мне. Это был лист бумаги, исписанный крупным писарским почерком и имевший такое заглавие: Редакции должны к 1-му генваря 1865 года...» Между прочим, Елисеев, полушутя, полусерьезно, сказал: «А знаете что, возьмем эти долги на себя, уплатим их Некрасову, но условием, чтобы он передал нам весь журнал. Это замечание Елисеева послужило переходом и поводом к серьезным обсуждениям о денежной стороне журнала. Елисеев и Жуковский, вооружившись карандашами, стали проектировать сметы издания журнала, составлять баланс, высчитывать возможные прибыли и убытки, и несколько листов исписали цифрами и выкладками. Эти листы, так же как и список должников, каким-то образом сохранились у меня до сих пор. Дальнейшее обсуждение предполагалось у меня, поэтому и документы были вручены мне. Но это обсуждение не состоялось. Мы не придали значения этой истории, отвлекли от нее наше внимание и скоро совсем ее забыли»⁴².

Оба мемуариста, кажется, неточны. Прежде всего, Елисеев явно преуменьшает свою осведомленность в издательско-редакционных делах. В первой половине 1862 года он, как известно, был редактором артельного еженедельного журнала «Век», в 1863 году принял приглашение стать редактором газеты «Очерки». Эта газета издавалась три месяца, сотрудничал

---

⁴¹ Некрасов в воспоминаниях современников. С. 224–225.

⁴² Шестидесятые годы. М.; Л., 1933. С. 224–225.

в ней и Антонович⁴³. Вообще у Елисеева были сильные редакторские амбиции и упорное стремление издавать журнал нового типа, артельный, владельцами и пайщиками которого являлись бы сами писатели и в котором не было бы издателя-капиталиста. Поэтому рассказ о том, что Елисеев, а не только Жуковский (профессиональный экономист и в будущем директор Государственного банка), принимал активное участие в обсуждении перспективы самостоятельного ведения «Современника», выглядит очень достоверно, намного достовернее, чем собственное признание Елисеева в полном незнакомстве с делами, связанными с журнальным хозяйством.

О решимости сотрудников всерьез произвести переворот свидетельствует письмо Антоновича и Елисеева к И. А. Панаеву (около конца января 1866 года): «Николай Алексеевич письменно согласился отдать “Современник” в аренду постоянным сотрудникам журнала в лице г. Антоновича. Для заключения подробных условий необходимо рассмотреть счета и книги по изданию журнала, преимущественно за истекший и текущий годы.

Посему сотрудники “Современника” поручили нам просить Вас помочь им в этом деле и показать счета и книги, для рассмотрения которых они согласились собраться к Вам в воскресенье, то есть 31 января»⁴⁴. Некрасов составил в конце сентября — начале октября 1865 года ««Проект возможной передачи “Современника” в аренду >»: «Я готов передать “Современник” с арендную платою по 9 т<ысяч> руб <лей> сер<ебром> в год, с тем что арендатор берет на себя долг журнала, а я устраниюсь от личного участия как по редакции, так и по изданию журнала.

Через десять лет арендатор освобождается от всякой платы мне и издает журнал исключ<ительно> в свою пользу.

Кроме означен<ных> 9 т<ысяч> арендатор должен принять на себя обязательство по контракту с г. Плетневым, т. е. просто контракт будет переведен на арендатора, который обяжется мне выплачивать г. Плетневу ежегодно 3 т<ысячи> руб<лей> с<еребром>.

При заключении условия арендатор принимает дела, книги и суммы журнала в том виде, в каком они ныне находятся. Все, что есть в журнале за кем-либо, с того дня получается им, равно и долг журнала, цифра коего обсуждена будет совмест<но>, уже падает на него. Об этом и вообще о пе-

---

⁴³ См. об этом: Якушин Н. И. Газета «Очерки» — орган революционной демократии // Русская литература. 1969. № 1.

⁴⁴ Цит. по: Мельгунов Б. В. Некрасов-журналист. Малоизученные аспекты проблемы. Л., 1989. С. 261.

ремене в хозяйств<енной> и редакцион<ной> части журнала должно быть по заключении условия объявлено. Доля ответственности за дальнейшие судьбы журнала, как денежная, так и всякая другая, уже падала бы на новых его хозяев.

Подробности этого условия определим, когда все пойдет на лад» (13, 2, 255–256). Насколько искренне он действовал и какие конкретно мотивы стоят за его «Проектом», в данном случае не так важно. Важно, что Некрасов выдвинул вполне серьезные требования. Как хорошо известно, и эта революция прервалась (так же, как и в «Русском вестнике») из-за возникших у журнала проблем, приведших к его закрытию. Однако скандал, произошедший между Некрасовым, с одной стороны, и Антоновичем и Жуковским — с другой, уже после конца «Современника», говорит о том, что революционный дух этих сотрудников не упал. Публикация «Материалов...» является следствием их очередной попытки установить справедливые отношения в издательском деле.

3

Г. З. Елисеев в своих (как указано выше, не совсем достоверных) воспоминаниях присоединяется к хору голосов, рассматривающих поведение Жуковского в ссоре с Некрасовым как эгоистическое и корыстное: «Одним словом, он (Жуковский. — М. М.) хотел сделаться не только постоянным наблюдателем, ревизором всех расходов журнала, но и настоящим его хозяином, распоряжающимся и всем внутренним содержанием. Некрасову оставалось только быть у него на побегушках»⁴⁵. Антонович приводит существенно более благородные причины ссоры с бывшим хозяином: «Спустя несколько времени мои товарищи по “Современнику” сообщили мне, что у Некрасова есть план издавать какой-то новый журнал, но что он не желает принимать в этот журнал нашу артель, а хочет взять только кого-нибудь одного и обращался уже то к Пыпину, то к Ю. Г. Жуковскому, но они не согласились идти в одиночку и, действуя сообща, предложили Некрасову такие условия, на которые он не согласился... Наконец, товарищи мои огорошили меня известием, что Некрасов соединился с Краевским в “Отечественных записках”, что Елисеев отбил от артели и вступил в сепаратное соглашение с этими союзниками. Эта комбинация казалась нам чудовищною, неестественною, невозможною. Соединяются два полюса, два отъявленных врага, личных и литературных, два журнальных соперника,

---

⁴⁵ Шестидесятые годы. С. 355.

два ожесточенных конкурента... Не хотелось верить этому химерическому союзу»⁴⁶. Как нам кажется, именно Антонович в данном случае более справедлив в оценках.

Слово «артель», употребленное Антоновичем для обозначения своих отношений с Пыпиным и Жуковским, окрашено, конечно, идеологически и означает вовсе не только группу участников, но и сам принцип, по которому они объединились. Объединение именно в артель предполагало приверженность принципам экономической справедливости. Хорошо известно, что Жуковский и Антонович были не просто радикальными публицистами, но и деятелями, стремившимися к реальному изменению действительности. Жуковский был автором статьи, где крайне резко нападал на дворянство, требовал возвращения долга народу, резкими нападками на дворянство прославился Антонович⁴⁷. Оба публициста были связаны с революционным подпольем, участвовали в составлении прокламаций⁴⁸. Будущая жена Жуковского была участницей слепцовской коммуны, и именно в коммуне состоялось их знакомство. В воспоминаниях Е. И. Жуковской есть и сообщение о визите Ю. Г. Жуковского в коммуну. Она начинает разговор с очень тогда прославленным экономическим публицистом такой репликой: «— Но вообще вы за коммунистический принцип?

— Вот вам что понадобилось знать! Можно многое иметь и за и против коммуны, смотря по тому, как, где и когда этот принцип применяется. Между мужем и женою этот принцип наиболее применим, а в остальных отношениях это более сложная история. Всего убедительнее самые факты»⁴⁹.

Поэтому нет оснований считать выступление Жуковского и Антоновича проявлением их личных амбиций и тем более простой корысти. Затянутый ими скандал является логическим продолжением их политических и экономических взглядов, перенесенных на сферу издательской деятельности. Антонович нападает в основном на идейное предательство Некрасова, обличает его в неискренности убеждений, к экономическим отношениям в «Современнике» он достаточно терпим, считая, что они были не лучше и не хуже бытующих в современных журналах, хотя не признавая их спра-

---

⁴⁶ Шестидесятые годы. С. 208.

⁴⁷ Особенно резкими были его фельетоны «Литературные мелочи» (подписанные псевдонимом «Посторонний Сатирик»), выходившие в «Современнике» в 1864–1865 годах.

⁴⁸ См. об этом: *Пантелеев Л. Ф.* Воспоминания. М., 1958. С. 340.

⁴⁹ *Жуковская Е. И.* Записки. С. 274.

ведливыми по сути: «Может быть, наша заработная плата была недостаточна, если сопоставлять ее с тем, что Вы получали и смотреть на дело так, что мы были такие же деятели в журнале, как и Вы; но с точки зрения обычных общепринятых условий литературно-экономического производства она была достаточна — это я всегда скажу; и ни в каком случае не была ничтожна, каковою бывала плата сотрудников г. Краевского, как жаловался Панаев. Вы — нужно это сказать к чести вашей — не очень прижимали нас, а именно столько, сколько позволяла это наша собственная наивная податливость»⁵⁰. В той части скандальной брошюры, которая содержит объяснения и декларации Жуковского, уже сами вопросы справедливости общепринятых условий литературно-экономического производства становятся предметом обсуждения и критики. Сходство аргументов в этой брошюре с аргументами в анализированных выше статьях Жуковского, на наш взгляд, поразительное.

Вполне в духе цитированной декларации сотрудников «Русского слова» Жуковский утверждает общественную важность тех вопросов, что он собирается поставить. В начале он заявляет: «Итак не желание лишних 50 рублей⁵¹, а напротив нежелание получать лишние 50 руб., за которые г. Некрасов покупал, как доказано выше, не мои труды и статьи, а мое имя и мою солидарность с его новым предприятием, нежелание принять за эти 50 руб. шутовскую и жалкую роль литературного Макара перед г. Некрасовым, — вот собственно первая и главная причина, по которой я отклонился от чести продолжать с ним литературные связи и за что меня только и могут винить. Прибавлю, что я действовал в этом случае от себя и только за себя, не думая при этом устраивать никаких новых порядков в литературе и новых издательских оснований, которые до меня совершенно не касаются»⁵². Несмотря на такую декларацию скромности намерений, именно о несправедливости внутрижурнальных отношений Жуковский говорит на протяжении всей своей статьи, исходя из представлений о том, какими они должны быть для того, чтобы быть справедливыми и по-настоящему благоприятными для литературы: «Я касаюсь

---

⁵⁰ Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 35.

⁵¹ Ср.: «...Некрасов в объяснении, почему у него не участвуют его прежние сотрудники, говорил, что они много запрашивают и не сходятся с ним из-за 50 рублей» (Жуковская Е. И. Записки. С. 288).

⁵² Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 195–196.

собственно его духа и типа, того рода отношений между издателями и литературными силами, которые он стремился установить, и касаюсь потому, что прежде чем в литературе не установится натуральных отношений между издателями и литературными силами, самая литература будет лишена правды, полна лжи, лицемерия и личного угодничества»⁵³. Смысл этой декларации опять же чрезвычайно близок к объявлению Благосветлова и его сотрудников в «Голосе».

Жуковский утверждает, что он выступает как экономист и настаивает на преемственности того, что он пишет в этой брошюре, с тем, что он писал в своих экономических и публицистических статьях в «Современнике», именно этим он оправдывает свое желание считать деньги в Некрасовском кармане: «Я так много сводил вопросов и положений на экономическую почву для оценки их нравственного смысла и положения, что позволю себе свести на ту же почву и вас»⁵⁴. Деятельность Некрасова-издателя рассматривается в рамках той же парадигмы труда и капитала как конкурирующих источников стоимости товара. Работники журнала объявляются имеющими такие же права на долю в доходах от журнала, как и Некрасов-капиталист, вложивший свои средства в его издание в начале деятельности: «Нужно было владеть теми литературными силами, которыми вы владели; без них вы могли истратить сколько угодно и все-таки провалиться; при них вся затрата капитала понижалась до каких-нибудь 10 000, которые покрывались в тот же год, оставляя 10 же тысяч чистого дохода на первый год и по 20 000 на все остальные. Итак 200% на доход не с капитала, а 200%, ренты с умственного труда — вот что вы брали и я прошу вас не смешивать этого с доходами на капитал. Такие капиталы, которые приносят 200% не слыханы в политической экономии. Рост капитала, учит политическая экономия, имеет общий уровень для всех предприятий... Этот рост ограничен у нас теперь, при всей его дороговизне, 10%. Итак, для удовлетворения ваших прав капиталиста, я вам вычитаю 10% с 10 000 руб., и затем приглашаю возвратить по 20 тыс. чистого ежегодного дохода вашим литературным силам... Во всяком случае подписчик вашего журнала шел в ваш журнал не ради ваших 10 тысяч, а полагаю, ради его содержания, в котором вы участвовали только изредка вашими стихотворениями»⁵⁵.

---

⁵³ Материалы для характеристики современной русской литературы. СПб., 1869. С. 195.

⁵⁴ Там же. С. 120.

⁵⁵ Там же.

Таким образом, тот огромный доход, который, по мнению Жуковского, получает Некрасов от журнала, есть не проценты на капитал, а своего рода рента, вполне подобная несправедливой и бесчеловечной земельной ренте, приведшей к обнищанию крестьянства: «За что же, спрашивается, вам платили эти 200% эти наивные литераторы? Тут-то вот ключ от всей загадки. За что вы сами платили г-же Плетневой по 3 тысячи рублей ренты? .... Итак, Вам платили по 10 тысяч в год исключительно за право печататься в вашем журнале... Согласитесь, что после этого я имею некоторые основания считать вас неоплатным должником литературы, а самое положение издателя, которое вы выработали своей особой в русской литературе по меньшей мере несообразным с теми гуманными началами, которые постоянно проповедовали вы в ваших стихах и журнале, ни даже с теми коммерческими началами, к которым вы относились презрительно»⁵⁶. Само это указание на долг Некрасова литературе аналогично рассуждениям о «долге народу», который рассчитал тот же Жуковский в статье «Записки современника». Также абсолютно идентичен сам ход аргументации и подсчетов. Некрасов фактически объявляется крепостником, держащим в рабстве своих сотрудников, точнее, отбирающим у них доходы, или хозяином-капиталистом, несправедливо лишаящим работников доли в произведенном ими капитале.

Несправедливость экономического поведения Некрасова-издателя для Жуковского настолько важна, что его неспособность или нежелание установить правильный и справедливый порядок в собственном хозяйстве ставит под сомнение искренность некрасовского либерализма, позволяет публицисту предположить, что им движут исключительно интересы наживы и чистогана: «Как в обществе вообще русский человек был поглощен своими личными спекуляциями, как здесь он не отличался ни особенным образованием, ни доблестью, так и в литературном сословии он не должен был превосходить других нравственными свойствами и развитием <...> должен был явиться с одной стороны либерализм незнающий и с другой либерализм спекулирующий — либерал как невежество и либерал как спекуляция <...> В свое время кажется один г. Краевский да букинисты с толкучки догадывались, что либерализм может давать доход в литературе. Теперь явились подражатели, которые вступили в дело с полным сознанием своего успеха <...> Прежние издатели лубочных или

---

⁵⁶ Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 121–122.

соблазнительных книг могли, по их мнению, теперь издавать только книжки естественного содержания или радикально политического»⁵⁷. Главное, что в «Отечественных записках» указывает на ренегатство их нового редактора, — это отсутствие статей о конкретных фактах экономической жизни (опять же вспомним разговор о фактах с будущей женой по поводу «коммунистического принципа»), заменяемых, по его мнению, безответственной либеральной «фразой». Только анализ фактов для самого Жуковского был показателем серьезности намерений: «Когда одновременно решается вопрос о торговле государства и его промышленности, свирепствует неурожай и голод в нескольких губерниях, решается вопрос о повинностях, проводится одновременно целая сеть железных путей, тогда, кажется, нет недостатка в мотивах для журнала, который хочет иметь содержание»⁵⁸. Такого содержания в «Отечественных записках» Жуковский не находит.

Так виделась ситуация и таковы были идеи и намерения наиболее последовательных в экономических взглядах бывших сотрудников «Современника». Именно принципиальной позицией, искренним желанием изменить экономические отношения в журнале и литературе в целом, установить порядки, отвечающие требованиям справедливости, общего блага и одновременно требованиям современной экономической науки, борьбой с Некрасовым-капиталистом, воплотившим и утверждавшим (по их мнению) ложные, несправедливые порядки в издательском деле, объяснялось их требование контроля над изданием и участия в доходах от нового журнала.

4

Осталось ответить на вопрос, какова была позиция Некрасова в этом конфликте. Как он видел ситуацию в «Современнике», отношения с писателями и почему отверг требование Жуковского предоставить ему и другим «работникам» долю в прибыли журнала? Очевидно, что для того, чтобы отвергнуть претензии своих сотрудников, издатель мог иметь массу причин от вполне материальных, до принципиальных, тоже по-своему идеологических. О материальных причинах говорится вполне откры-

---

⁵⁷ Материалы для характеристики современной русской литературы. С. 145–147.

⁵⁸ Там же. С. 153.

венно в письме А. Н. Пыпину 20 ноября 1867 года, с которым Некрасов вел переговоры дольше, чем с другими «бунтовщиками»: «8-мые доли, выговариваемые Жуковским в пользу *свою* и *Вашу*, тоже поведут к затруднению отчетности и к путанице, и, поразмыслив обстоятельно, я на них не могу согласиться. Во-1-х, потому, что желаю стоять в таком положении, чтобы не быть обязанным ни перед кем отчетностью и стесненным в распоряжениях цифрой, определенной на расходы по журналу (а Жуковский желает в этом отношении одинаковых прав со мною и имеет виды на какие-то сокращения расходов, по-моему, невозможные и могущие только испортить дело); а во-2-х, потому, что, согласившись на этих 8-х долей Вам и ему, я должен был бы, по совести, представить такую же долю Елисееву, которого считаю в предполагаемом деле нужным и полезным не менее каждого из Вас, что он доказал многолетним участием в “Современнике”, а тогда что же осталось бы мне?» (15, 1, 60–61) С прагматической точки зрения, такого объяснения вполне достаточно. Капиталист не собирается и, по своей логике, не обязан делиться прибылью с работником. Однако, на наш взгляд, Некрасов выступает в этой истории не только как «хозяин» предприятия в материальном споре с своего рода аналогом профсоюза. Не меньше Благосветлова он был заинтересован и принципиальными вопросами, проблемами установления справедливых отношений в литературе. Об этом говорят и его собственные более ранние попытки изменить правила на литературном рынке (проанализированные в главах 4, 5, 6 настоящей работы), и позднейшее его решение предоставить долю доходов от «Отечественных записок» Салтыкову-Щедрину и Елисееву⁵⁹.

Идейная и психологическая стороны позиции Некрасова не могут быть реконструированы абсолютно убедительно. Как практически всегда, в ответ на публичные обвинения Некрасов молчал и прямых утверждений не оставил. Есть, однако, косвенные факты, позволяющие понять, почему планы и расчеты Жуковского должны были казаться Некрасову неприемлемыми в качестве решения проблемы неравенства на литературно-издательском рынке. Эти косвенные указания надо искать у одного из крайне близких Некрасову в это время людей. Как известно, ответ «Отечественных записок» на выступление Жуковского и Антоновича

---

⁵⁹ Подробнее об этом см.: *Макашин С. А.* Салтыков-Щедрин. Середина пути. 1860-е — 1870-е годы. М., 1984. С. 338–339; *Емельянов Н. П.* «Отечественные записки» Н. А. Некрасова (1868–1884). Л., 1986.

был написан Салтыковым-Щедриным. Он содержал ряд вполне едких, но и легковесных замечаний личного характера: «Сверх того, гг. Антонович и Жуковский с любовью и не раз возвращаются к мысли о распределении “благ”, приносимых журнальным делом, причем последний, со свойственною ему догадливостью, исчисляет даже сумму (миллиард в тумане⁶⁰), которую, по его мнению, должен г. Некрасов своим сотрудникам (разумеется, бывшим, то есть все-таки Антоновичу и Жуковскому, а не другим каким) за двадцать лет журналистской деятельности. Но на этом остроумном вычислении, к сожалению, все дело и оканчивается; в чем должны заключаться те “новые основания”, о которых, по-видимому, хлопочет г. Жуковский, — он благоразумно умалчивает, хотя и видно, что ему лично хотелось быть “хозяином” не только в редактировании журнала, но и в доходах его. Мы можем сказать по этому поводу, что и сами не прочь от “новых оснований” в журнальном деле, но, по нашему мнению, допущение г. Жуковского или вместе с г. Антоновичем к роли “хозяина” журнальных доходов все-таки нимало не разрешает этого вопроса»⁶¹.

Тем не менее в этой статье есть и принципиальные, если можно так выразиться, политэкономические возражения, касающиеся самой сути построений Жуковского: «Мы очень хорошо понимаем, что вопрос о том, кто должен быть участником в журнальных прибылях, можно довольно разрешить, ответив на него: “вы да я”, и что через это значительно устраняется дробность в расчетах, но подобное разрешение едва ли может соответствовать выгодам и видам “шушеры” и “шелухи” <...> едва ли не целесообразнее было бы, если бы вы, вместо того, чтобы беседовать с читателем о ваших личных огорчениях, представили ему проект, в котором привели бы основания: 1) как приобщить не только вас с г. Антоновичем, но и “шушеру” и “шелуху” к тем “благам”, о которых вы так умильно говорите; 2) какую принять норму для оценки писательского труда, то есть ценить ли все статьи одинаково, руководствуясь только объемом их, или же принимать в соображение и степень дельности и талантливости, с которыми они написаны; и 3) на кого возложить или как устранить тот риск,

---

⁶⁰ Этот «миллиард в тумане» говорит о точном сближении скандальной брошюры с упоминавшейся статьей Кокорева, где тоже говорилось о долге народу, а также о том, что Салтыков-Щедрин увидел подразумеваемую Жуковским аналогию между долгом Некрасова литературе и долгом помещиков народу.

⁶¹ *Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 9. С. 333.*

который сопряжен с изданием журнала, в том случае, если он не будет иметь успеха в публике? Вот если вы разрешите эти насущные в журнальной практике вопросы, то мы будем вам весьма благодарны»⁶².

Из этих трех возражений наиболее поверхностным и личным, на первый взгляд, выглядит первое. Третье возражение воспроизводит традиционный аргумент «буржуазных» экономистов против признания права работников на участие в капитале. Они принимают участие в прибылях — означает ли это, что они готовы взять на себя и убытки? Многие проблемы, возникающие в таком случае, действительно, трудно разрешимы. Однако второй вопрос, заданный Салтыковым-Щедриным, должен был быть принципиальным для Некрасова, затрагивающим его личный опыт. Проблема писательского имени как капитала, сложная игра усилий издателя, журнала, критика и самого писателя в создании имени, в его капитализации, знакомая до тонкостей Некрасову по его собственному, часто печальному опыту (см. главу 2 настоящей работы), слишком легко подводится радикальным экономистом под абстрактные категории. Жуковский говорит

---

⁶² Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. Т. 9. С. 333–334. Эти высказывания Салтыкова стоит сравнить с его позднейшим крайне отрицательным отношением к «Русскому богатству»: «У меня вторично был Тургенев, который рассказывал, как его от имени редакции «Нар<одного> <богатства>» приглашал Успенский к Сибирякову, как он там был, мед-пиво пил и благословил Златовратского на благое дело. Успенский, по-видимому, ужасно тут хлопочет и едва ли не с желанием напакостить “Отеч<ественным> зап<искам>”. Всего замечательнее то, что пресловутое Кри-венковское артельное начало нашло свое успокоение на лоне у Сибирякова. А впрочем, пушай их. Только хорошо было бы рассчитаться с Успенским, который много должен. Не возьмете ли вы на себя труд сообщить ему, что он в понедельник еще обещал принести конец своей рукописи, так хоть в будущий понедельник принес бы. Ведь у нас все-таки не неистощимый запас рукописей, а при том же начало его статьи помещено в февральской книжке — надо же докончить ее. Затем я уже не буду рассчитывать на этого проворного малого, который как встанет с утра, все думает, где бы денег занять. Вот и Златовратский помалчивает с “Устоями” — должно быть и ему не до нас. Я предвижу, что это будет гнездо сплетен и дрязгов, и потому всеми мерами буду устраняться. Еще, пожалуй, такую душу пусят, что и “Новое время” за пояс заткнут. От Успенского можно всего ожидать» (Салтыков-Щедрин М. Е. Указ. соч. Т. 19, Ч. 1, С. 139). Об этом эпизоде см.: Златовратский Н. Н. Воспоминания. М., 1956. С. 312–314, а также воспоминания Н. С. Русанова в кн.: М. Е. Салтыков-Щедрин в воспоминаниях современников. Л., 1957. С. 110–112.

о том, что он давал журналу свое популярное имя и уже поэтому является создателем прибыли, которую приносит «Современник», однако не учитывает роль журнала в капитализации его собственного имени. Как рассчитать долю сотрудника и долю журнала в этом общем капитале, из чего исходить? Ни на какие подобные вопросы, ответы на которые интуитивно, творчески всю свою редакторско-издательскую жизнь искал Некрасов, абстрактная теория Жуковского ответа не дает, конечно. Поэтому и первый вопрос Салтыкова-Щедрина оказывается законным — требования Жуковского предоставить долю именно ему выглядят на самом деле обоснованными только его амбициями, уверенностью в важности его личного труда для успеха журнала.

Статья Салтыкова-Щедрина, если ее содержание отражает взгляд издателя «Современника» на поднятые Жуковским вопросы, показывает, что Некрасов не просто не был материально заинтересован в том, чтобы не делить прибыль с сотрудниками, а не считал такую конструкцию журнала разумной и справедливой. Именно в этом смысле нужно понимать его слова о непрактичности его сотрудников, сказанные в письме Краевскому от 27 ноября 1867 года: «Почтенные мои сотоварищи — люди непрактичные и нерешительные. Мне уже надоело за ними ходить, и, поставив им свои решительные условия, я теперь не тронусь с места, пока они не дадут сами ответа. Надо подождать. А между тем я хотел бы видеть контракт Ваш с Д<удышкиным>» (15, 1, 62). Вероятно, здесь как проявление «непрактичности» характеризуются экономические фантазии Жуковского. Практический человек Краевский оказался в трудные минуты ближе и понятнее, чем теоретики экономисты. В письме менее увлеченному социально-экономическими теориями Пыпину от 20 ноября 1867 года Некрасов развивает ту же мысль: «Из разговора с Жуковским я убедился, что мы с ним сойтись не можем. Он хочет, между прочим, чтобы хозяйство было взято у Краевск<ого> и перешло к кому-нибудь из нас. Не знаю, согласился ли бы на это Краевский, но я на это не согласен. Сам я возиться со счетами и деньгами не имею охоты и Вас не считаю для этого достаточно практичным» (15, 1, 60). В том же письме он твердо отказывается вести переговоры с артелью литераторов, признавая только персональный разговор с самим Пыпиным: «Потрудитесь отвечать поскорее и решительно, согласны Вы или нет принять участие в редакции “От<ечественных> зап<исок>”, если я буду их редактором, на условиях, подобных тем, которые Вы имели в «Современнике», с тою выгодой, что здесь Вы будете освобождены от роли ответственного редактора» (15, 1, 61).

Было ли у Некрасова в последние годы «Современника» собственное представление о том, кем он является по отношению к журналу и его сотрудникам? Осмелимся и в этом случае воспользоваться косвенными свидетельствами. Уже в 1876 году в преддверии болезни и смерти Некрасов столкнется с новым требованием денег, исходящим от Антоновича, обратившегося со своими претензиями в Литературный фонд. Не принимая форму, в которой бывший сотрудник требует у него денег, Некрасов был (при условии ее изменения) готов дать Антоновичу нужные ему средства. Так он и пишет Г. К. Репинскому⁶³ в письме от 30 марта 1876 года: «В 1866 году у меня вырвали из рук дело, которому я посвятил 20 лет жизни и которое могло кормить меня остальную жизнь. Я вовсе не был в таком положении, чтоб думать о каких-то *награждениях* бывшим своим товарищам по журналу. Я задался мыслию не оставить на первое время без средств тех из моих товарищей, которые ничего не имели и которые, с закрытием журнала, оставались без работы. Так я и поступил относительно гг. Пыпина и Жуковского. Об г-не же Антоновиче я тогда думал, что он имеет свое состояние, и поэтому *ничего ему не обещал* и даже *разговора* по сему предмету никакого *с ним не имел*. Прибавлю к этому, что если б мне было сказано, что я ошибаюсь, считая г-на Антоновича человеком с состоянием, или если б г. Антонович мне тогда сказал, что желает получить то же, что я обещал гг. Пыпину и Жуковскому, то я исполнил бы его желание, так как г. Антонович находился в совершенно одинаковых условиях к журналу с гг. Пыпиным и Жуковским и в этом отношении имел с ними равные права» (15, 2, 134).

Судя по этому письму, Некрасов воспринимал или стремился воспринимать журнал не только как коммерческое предприятие, приносящее деньги, но как «кровное дело». Сам же он ощущал себя и как капиталист, собственник предприятия, которое могло его «кормить», но и как труженик, посвятивший «Современнику» «20 лет жизни». Сотрудники же его — не только наемные рабочие, но и «товарищи по журналу», которых Некрасов всех одинаково хотел поддержать после гибели общего дела. В некотором отношении он, судя по всему, был утопистом и фантазером не хуже Антоновича или Жуковского.

---

⁶³ Григорий Козьмич Репинский был в это время секретарем Литературного фонда.